

Администрация муниципального образования –
Сапожковский муниципальный район Рязанской области

Отдел культуры и туризма администрации муниципального образования –
Сапожковский муниципальный район Рязанской области

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Сапожковский краеведческий музей»

САПОЖКОВСКИЙ КРАЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ:

**страницы истории и культуры
XVII – начала XXI в.**

Сборник научных статей

Рязань: ИП Жуков В.Ю., 2019

⁴⁸ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 3. СПб., 1866; Ч. 4. СПб., 1887.; Любимов С.В. Указ. соч. С. 55–79.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 118 об.-119; Ф. 1175. Оп. 1. Д. 75, 146, 176, 203 и др.; Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России. Рязань, 2003. С. 304; Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году. Рязань: Александрия, 2004. Т. 2. С. 129.

⁵⁰ Отчество Алексеевич появилось после крещения. Восприемником на церемонии был царь Алексей Михайлович. Он и подарил отчество.

B.B. Боярченков

Из окраины Дикого поля в земледельческий уезд Российской империи: метаморфозы сапожковской истории XVII–XVIII вв.

История Сапожковского уезда, как может показаться на первый взгляд, вполне соответствует основательно укоренившимся представлениям о ходе времени в российской провинциальной глубинке с ее неспешным ритмом жизни, который проявляется скорее в смене поколений, нежели в резких поворотах ее течения; с узким кругом действующих лиц, чье поведение редко поражает непредсказуемостью; с повседневной рутиной, которая воспринимается как благо разве что задним числом, в моменты больших потрясений, заносимых сюда ветрами другой истории – той, что творится где-то вдалеке, в столицах и крупных центрах. В самом деле, Сапожок и окружающие его места, оказавшиеся в стороне от почтовых трактов, а затем и железных дорог, связывавших пространство Российской империи воедино, как будто самой историей были предназначены служить примером тихого угла, где веками царила благообразная простота патриархальных нравов.

Правда, эта картина, сама собой возникающая в сознании исследователя, знакомого с документами сапожковской истории XIX – начала XX вв., перестает быть такой безмятежной, когда на память приходят события более раннего времени – эпохи первоначального освоения этого края земледельческим населением при активной поддержке со стороны московского правительства. Свидетельства этой эпохи, возможно, не так многочисленны, но все же достаточны, чтобы утверждать: первым поколениям сапожковцев приходилось поднимать паш-

нию, держа оружие под рукой, – так велика была опасность татарских нападений.

Вынужденное соединение типично крестьянских занятий с несением воинской службы дало повод С.Ф. Платонову охарактеризовать приборных людей, составлявших основную массу населения южных уездов Московского государства в XVI – начале XVII в., как вооруженных земледельцев. Уклад их жизни, по словам историка, во многом зависел от особенных свойств врага, с которым этим вооруженным земледельцам приходилось иметь дело: «это был степной хищник, подвижной и дерзкий, но в то же время нестойкий и неуловимый … Он полонил, грабил и пустошил страну; он держал московских людей в постоянном страхе своего набега, но в то же время он не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли, на которые налетал внезапно, но короткою грозою»¹. Ни прямой вооруженный отпор, ни дипломатические ухищрения, к которым нередко прибегали московские правители, не могли положить конец вторжениям степняков. Лишь строительство засечных черт, новые участки которых постепенно уходили все дальше к югу, обеспечивало приборным людям, осваивавшим окраины Дикого поля, возможность сосредоточиться на земледельческом труде.

Этот переход к мирной жизни произошел не в одночасье и в Сапожковском уезде, некогда ставшем одним из главных узлов обороны со стороны старой Ногайской дороги – давно проторенного татарами пути проникновения вглубь рязанских земель. Поиски ответа на вопрос, как долго сохранялись здесь следы неспокойного соседства с кочевым миром, и составляет содержание настоящей работы.

Население южных уездов, на котором лежало бремя станичной и сторожевой службы на засеках, долго не могло оправиться после разрушительных последствий Смуты начала XVII в. Гарнизоны крепостей, подобных Сапожку, страдали от недостатка людей и вооружения, а их руководители часто не умели распорядиться теми скучными ресурсами, которыми располагали на случай неприятельского набега. Так, в 1623 г. сапожковский воевода Яков Милославский докладывал в Разряд о полной своей беспомощности перед лицом татар, трижды с мая по июль приходивших к городу. Они убили одного, ранили двух и угнали с собой в степь двенадцать местных жителей, а также пять лошадей. Ответ из Москвы был суров и нелицеприятен: «и ты дурак безумной, худой воеводишка! Пишешь к нам, что татарове к Сапожку приходят, и

людей побивают и в полон емлют, а про то к нам подлинно не пишешь, в татарский приход сторожи у тебя и подъезды были ль, и для чего татары бзвестно приходят и для чего в те поры к нам не писал, как татары к Сапожку пришли?». Вероятно, такое гневное послание способно было растормошить инертного воеводу, однако преодолевать объективные трудности, с которыми тот столкнулся, – а Милославский жаловался на бедность и бесконность находившихся под его началом ратных людей, – ему предлагалось самостоятельно².

Глубина проблем с организацией обороны обнаружилась вновь через четыре года, когда кочевники, навестившие окрестности Сапожка – сенные покосы Коровкинской слободы, захватили девять человек и несколько десятков лошадей и скрылись, не встретив сопротивления³. Правда, уроки, пусть и не сразу, были все же, видимо, извлечены: в мае 1629 г. небольшой татарский отряд численностью примерно в шестьдесят человек, привлеченный видимой легкостью добычи, был здесь разбит. К этому же времени относится поимка сапожковскими казаками Пронькой Губиным и Ивашкой Киреевой с товарищами «языка», который был доставлен в Москву, за что оба главных героя получили по три рубля за службу, а также два рубля и доброе сукно в качестве «язычного». Трудно сказать, каков был вклад в эти успехи тогдашнего сапожковского воеводы Ивана Ивановича Маслова: в том же году он просил о том, чтобы его заменили, ссылаясь при этом на смертельную болезнь, а прибывший на его место в июле воевода, тоже Иван Маслов, не застал своего предшественника в живых⁴.

Смена воеводы в 1629 г., событие само по себе достаточно ординарное, в данном случае примечательно тем, что новый руководитель сапожковского участка засечной черты произвел осмотр вверенного его попечению личного состава и военного хозяйства и представил в Разряд «роспись, что на городе наряду и в казне зелья и всяких пушечных запасов». Согласно этому отчету, под началом Ивана Маслова оказалось 171 человек полковых казаков, 20 беломестных казаков, еще 22 человека, принадлежащих к разряду пушкарей и затинщиков, 2 засечных сторожей и 4 воротника. Как видно, по своей численности сапожковский гарнизон был вполне сопоставим с татарскими отрядами, появлявшимися в этих местах в 1620-е гг. Довольно внушителен был и арсенал острога, осмотренный Масловым: «два тюфяка медных нового литья да три пищали железных волконейки, а к ним 86 ядер, да пищаль затинная железная, а к ней 45 ядер железных, да в казне зелья 13 пуд без четвер-

ти, да полсема пуда свинцу, да на городе вестовой колокол, а в нем семь пуд весу». Кроме того, в росписи упоминается о 37 указных государевых грамотах, хранившихся вместе с этими запасами⁵. Об их содержании, к сожалению, сегодня остается только строить предположения.

В мае 1631 г. сапожковским ратным людям вновь пришлось повоевать с татарами, возвращавшимися после налета домой не с пустыми руками. Победа была за сапожковцами, действовавшими под руководством Савки Москвитина (или Москитиньева) и Ивашки Юдина. Татары не только лишились полона и скота, захваченного в с. Песочное, но и потеряли пять человек убитыми и одного пленным. О потерях со стороны сапожковского отряда ничего неизвестно, но, вероятно, победа досталась им не малой кровью. Во всяком случае, то обстоятельство, что в Москву с вестью об успехе Юдин отправился один, в отличие от подобного случая в 1629 г., а имя его товарища не упоминается в переписном списке 1637 г. по Сапожку, не кажется простым соппадением. На этот раз вознаграждение за языка не досталось явившемуся в Москву казаку, зато в придачу к трем рублям за службу он получил «сукно доброе аглинское»⁶.

Серьезным испытанием на прочность и для Сапожка, и для всей системы южных рубежей Российского царства стали годы войны за возвращение Смоленска, которую начало правительство Михаила Федоровича в 1632 г. В июле из Разряда в Стрелецкий приказ было направлено напоминание о необходимости отправки в Можайск, к воеводам М.Б. Шеину и А.В. Измайлова 640 конных казаков из крепостей засечной черты. На долю Сапожка в этом общем количестве приходилось 40 человек⁷. К началу августа относятся первые сигналы станичников и вестовщиков о передвижениях крупных отрядов татар – крымцев и Малых ногаев – по сакмам, ведущим во внутренние области Московского государства. В этот раз силы неприятеля исчислялись не сотнями, а тысячами всадников, действовавших, как и прежде, стремительно, но теперь еще и организованно. Кое-где напряженное противостояние продолжалось до октября. Впрочем, сапожковцам, как и населению других задонских уездов, через которые проходила старая Ногайская дорога, повезло больше, чем жителям земель, лежащим к западу. Здесь основные события завершились к исходу августа, и потери на общем малоутешительном фоне – 2660 человек, из которых 320 было убито – выглядели относительно скромно: в Сапожковском уезде они составили 6 человек⁸.

В 1634 и 1636 гг. татары вновь напомнили жителям Сапожка о своем существовании. Эти набеги были произведены сравнительно небольшими силами и не нанесли особенно тяжелого ущерба, хотя и заставили ратных людей взяться за оружие, чтобы отвоевать захваченные татарами полон и скот⁹. Итак, период с 1623 по 1636 гг. был означен, по меньшей мере, восьмью появлениеми степняков в непосредственной близости от города. Тем удивительнее может показаться отсутствие сведений о подобных нападениях с середины 1630-х гг. Однако это молчание источников находит свое объяснение в масштабном строительстве новых укреплений, затеянном московским правительством, для которого суровые уроки недавней войны, когда татары основательно разорили южные уезды, воспользовавшись уходом главных сил российского войска под Смоленск, не прошли даром. Едва минуло два десятилетия с последнего из упомянутых набегов, как к югу от Сапожка выросла целая цепь крепостей, валов и прочих сооружений, чрезвычайно затруднивших продвижение неприятельской конницы внутрь страны. Впоследствии она стала именоваться Белгородской чертой. В качестве первого звена этой цепи был задуман Козлов, который строили и заселяли стремительными темпами, начиная с 1635 г. А уже в 1638 г. крымские мурзы и татары всерьез встревожились из-за этого вновь возникшего препятствия на Ногайской дороге¹⁰.

Хотя возвведение Белгородской черты и обезопасило положение Сапожка, как и других рязанских городов, жизнь сапожковцев повернула в мирное русло далеко не сразу: некоторым из них – так называемым «сведенцам» – помимо собственной воли пришлось пополнить гарнизоны новых крепостей. На исходе 1640-х гг. на их долю выпало заселить Карпов – город в верховьях Ворсклы на беспокойном Муравском шляхе. Примечательно, что туда из хорошо освоенных уездов сводились наиболее зажиточные приборные люди, способные самостоятельно стоять на ногах в хозяйственном отношении¹¹.

Да и тяжесть «земляного» и «городового дела» – строительства укреплений в непосредственной близости от «поля» отчасти была возложена на плечи сапожковцев. Между прочим, они были активно задействованы при постройке Козлова. Известно, что сапожковским служилым людям, наряду с представителями еще 9 городов, надлежало прибывать туда на собственной лошади с телегой и запасами продовольствия, находиться на работах по шесть недель со своим инструментом, не получая при этом никакого вознаграждения. Двадцать са-

пожковцев вместе с представителями других городов были привлечены в 1642 г. к строительству яблоновского участка засеки, который перекрывал подходы к Ливнам и Туле со стороны степи¹². Кроме того, по распоряжению местного воевода Дмитрия Сеитова, они на протяжении трех недель участвовали в заготовке сена для государевых конюшенных и драгунских лошадей. Поскольку воевода не был уполномочен назначать цену за этот труд, полковым казакам в челобитной оставалось взывать к милосердию государя – «пожалуй нас холопей своих за нашу работишку... как Тебе Государю об нас Бог известит», – чтобы получить хоть какую-то компенсацию за затраченные силы и время¹³.

Были затронуты сапожковцы и мероприятиями, проводившимися московским правительством в середине XVII в. в целях создания драгунских полков из населения южных уездов. Согласно годовой смете г. Сапожка 1665 г., все его служилое население, кроме пушкарей, было приписано к драгунским полкам Томаса Крафорта и Венедихта Змеева¹⁴. Однако выявленных и опубликованных материалов, которые могли бы пролить свет на эту малоизученную пока страницу истории военной реформы царя Алексея Михайловича, пока явно недостаточно, чтобы судить о том, как именно преобразование в драгуны повлияло на уклад жизни обитателей Сапожка.

Так или иначе, к 1680-м гг. от этих нововведений отказались¹⁵. К этому времени военные тревоги, связанные с татарскими набегами, всплывали в памяти сапожковцев, в основном, когда они находились по делам службы далеко от дома. В 1661 г. проверка состояния городских укреплений и «нарядов» на южной окраине показала, что местный дубовый острог, не вызывавший никаких нареканий тремя десятилетиями раньше, успел «подгнить». А из сведений, представленных в Разряд воеводой Семеном Борисовым сыном Чересовым в 1678 г., можно было заключить, что мирное время преуспело в разрушении сапожковской крепости более, нежели некогда неприятель: «острог же и башни и надолбы оболились, ров и колодезь заволился»¹⁶. И хотя подробно перечисленные здесь же «наряд» и хлебные запасы еще служили живым напоминанием об опасносных событиях недавнего времени, их драматические подробности с каждым новым поколением сапожковцев все больше отходили в область преданий.

Возможно, наши выводы несколько преждевременны, но в ретроспективе вторая половина XVII столетия предстает своего рода золотым веком в истории Сапожка, временем пожинания плодов союза

московских правителей, озабоченных расширением пределов своих владений, и земледельцев, готовых с риском для жизни побороться за шанс обрести свой надел плодородной земли, которой тогда было вдоволь в Диком поле. Первым из условий получения земельного надела подразумевалось несение государевой службы «по прибору», нередко с оружием в руках, что, в свою очередь, освобождало вооруженных земледельцев от многочисленных повинностей, которыми была обременена основная масса тяглого населения России. Определить материальные выгоды, которые извлекала казна из этого сотрудничества с приборными людьми, представляется нелегким делом ввиду запутанности, присущей финансовому хозяйству Московского государства этой эпохи. Тем не менее, угроза постоянных татарских набегов, сопровождавшихся разорением крестьянских хозяйств на обширных территориях, а также угоном сотен, а иногда и тысяч государственных тяглецов в неволю, очевидно, заставляла правительство забыть об издержках, неизбежных при испомещении приборного люда на отвоевываемых участках степных просторов. Приблизительное представление о расходах казны дают подсчеты исследователей: сооружение более чем 500-километровой Белгородской засечной черты обошлось в сумму, немногим превышающую 200 тыс. рублей, тогда как на строительство знаменитой каменной крепости в Смоленске в 1596–1600 гг. потребовалось около 1,5 млн. рублей¹⁷.

Правда, упомянутый взаимовыгодный союз не имел прочного правового основания, на которое служилие по приборы могли бы опереться, отстаивая свои интересы. Более того, в природе их особого социального статуса было заложено неразрешимое противоречие, которое не замедлило обнаружиться со временем. Дело в том, что с построением новой полосы оборонительных сооружений утрачивалось не только военное значение самих старых крепостей, но и заинтересованность правительства в сохранении привилегий за их обитателями. Парадоксальным образом, чем успешнее решались оборонительные задачи, ради которых «прибирали» на службу выходцев из разных социальных групп, тем скорее под вопросом оказывались привлекательные стороны их нового статуса. До тех пор, пока приборные люди рассматривались московскими властями в качестве одного из потенциальных элементов модернизации вооруженных сил, – а поиски в этом направлении неустанно велись на протяжении всего царствования Алексея Михайловича и его ближайших преемников, – их положение можно было счи-

тать относительно стабильным. Понятно, что прежде всего заботу правительства ощутили на себе приборные из вновь отстроенных крепостей, с передовой линии, врезавшейся в Дикое поле: в 1650-е гг. для них даже были сделаны изъятия в законодательстве об бессрочном сыске беглых крестьян холопов¹⁸. Население слобод, окружавших сапожковский острог в эту переходную эпоху, было избавлено от такого пристального внимания властей, зато впервые за долгое время могло почувствовать вкус мирной жизни.

Неизвестно, в каком состоянии встретили начало XVIII в. развалины сапожковского острога, но контуры новой армии определились к этому времени вполне отчетливо: вводимая Петром I система рекрутских наборов не оставляла места служилым по прибору в структуре вооруженных сил. Содержание сформированных из них полков обходилось дешевле по сравнению с регулярными частями, однако эти полки, как показывал предшествующий опыт, не обладали мобильностью, необходимой для ведения больших войн, на путь которых вступала в полный голос заявлявшая о своих имперских амбициях Россия.

Рекрутская повинность была введена в 1705 г., а спустя три года ушла в историю прежняя административная система, в рамки которой были вписаны и приборные люди. Теперь они ведались не Разрядом, а одним из восьми губернаторов, которым указом от 18 декабря 1708 г. было «велено … в тех губерниях о денежных сборах и о всяких делах присматриваться». Реализация этого указа предусматривала изъятие Сапожка из числа рязанских городов, к которым его традиционно относили в Разряде, и присоединение к Азовской губернии в качестве «приписных к корабельным делам», в то время как Переяславль-Рязанский был отнесен к Московской¹⁹. Если быть точнее, то Сапожок в 1708 г. был приписан к Воронежскому адмиралтейскому ведомству, а с 1711 г. отошел к Тамбовской провинции, которая так же в административном отношении подчинялась азовскому губернатору²⁰.

Этот отрыв от центра, к которому Сапожок тяготел исторически, оказался непродолжительным: не позднее 1719 г. он был передан в Рязанскую провинцию Московской губернии. Впрочем, за эти десять лет в положении местных приборных людей произошли изменения более разительные, чем за полвека, предшествовавшие вступлению Петра на престол. Служилое население Азовской губернии, к которой принадлежал тогда Сапожок, привлекло взоры петровского правительства, постоянно озабоченного изысканием новых источников пополнения

казны. Едва был подписан мирный договор с Турцией, обеспечивавший безопасность южных окраин России, 6 ноября 1712 г. Правительствующий Сенат постановил, что «... с солдат, с стрельцов, с казаков, с станичников, с пушкарей, с воротников и с казенных кузнецов» Азовской губернии надлежит «всякие поборы иметь по переписным книгам прошлого 710-го года, с наличных дворов, против помещиковых и вотчинниковых крестьян. А на караулах и в посылках быть им по-прежнему...». Иначе говоря, в придачу к службе, которая раньше считалась основанием для освобождения приборных от тяглы, на их плечи теперь ложились все обычные для крестьян платежи. Авторы указа почли нелишним выступить с разъяснением такого новшества: «крестьяне на помещиков своих землю пашут и всякое изделие делают и хлебные и столовые запасы и деньги платят сверх Государевых сборов, а с них (т.е. с приборных людей – В.Б.) таких сборов не бывает»²¹.

Таким образом, в этом документе впервые отчетливо просматривается намерение властей приравнять военных земледельцев юга России к крестьянству. Во всяком случае, именно положение крестьян, и притом владельческих служит здесь своего рода точкой отсчета, от которой и ведется исчисление объема повинностей, возлагаемых на служилых людей. Если у кого-то из них и теплелись надежды, что эти меры, продиктованные чрезвычайными обстоятельствами – тяжелой затяжной войной со Швецией, носят временный характер, то «Плакат» о сборе подушных денег, опубликованный после наступления долгожданного мира, не оставил от них камня на камне.

Текст этого пространного документа, подписанного императором 6 ноября 1724 г., в числе прочего, гласил: «С государственных крестьян, т.е. с однодворцев, с черносошных, с татар, с ясашных, ... с копейщиков, рейтар, драгун, солдат, казаков, пушкарей, затинщиков и рассыльщиков и прочего звания людей, которые в поголовную перепись написаны и в раскладку на полки положены, не обходя никого, по 74 копейки с души, ... Да с них же сверх того, вместо тех доходов, что платят Дворцовые во Дворец, Синодского ведения в Синод, помещиковы помещикам, по 40 копеек с души»²². Здесь уже приборный люд не приравнивается к крестьянству, как несколькими годами раньше, а предстает как одна из его частей.

Правда, «Плакат» о сборе подушных денег ничего не говорил о том, как теперь приборным людям быть со службой, ведь именно она совсем еще недавно отличала их основной массы крестьянства. Этот

вопрос, очевидно, вызвавший у них большое недоумение, получил разрешение уже после смерти Петра. 12 июня 1728 г. Сенат, ссылаясь на поступающие с их стороны жалобы по поводу невозможности совмещать выполнение служебных поручений с исправной уплатой подушной подати, распорядился разослать в губернии и провинции указы, повелевающие «прежних служб солдат, пушкарей, зatinщиков, воротников и прочих разночинцев, которые положены в подушной оклад, в караулы и в городовые посылки отнюдь не брать, дабы от того в пла-теже подушных денег не было им препятствия»²³. На первый взгляд, этот сенатский указ всего лишь довершил дело, начатое Петром – превращение военных земледельцев в мирные, с заменой службы на тягло. Но вместе с тем, выделяя из совокупности вновь образованного государственного крестьянства бывших приборных людей, реагируя указом на их прошения, Сенат подспудно признавал смысл в сохранении этой упраздненной, казалось бы, социальной группы, обособленность и законность ее интересов. «Старых (или «прежних») служб служилые люди» – под таким красноречивым собирательным именем еще не одно десятилетие будут фигурировать в законодательстве Российской империи бывшие полковые казаки, пушкари, зatinщики, воротники и прочие, еще более мелкие разряды населения крепостей на прежней окраине Дикого поля. О «солдатах прежних служб» упоминается уже в сенатском указе от 24 июля 1728 г.²⁴ К этой категории были причислены и жители сапожковских слобод, которых именовали теперь еще и пашеными солдатами.

Вскоре после смерти Петра I произошло еще одно изменение, затронувшее если не статус прежних вооруженных земледельцев, то сферу, в которой им приходилось отстаивать свои личные, семейные и групповые интересы: в 1727 г. была проведена реформа местного управления. Она смягчила наиболее резкие черты нововведений царя-преобразователя, в частности, возродив деление страны на уезды и возвратив воеводам ключевую роль в местной администрации. Именно со времен короткого царствования Екатерины I текла два столетия, не прерываясь, история Сапожковского уезда²⁵. На первый взгляд, это было то же образование, что сложилось здесь в допетровскую эпоху: в ведение сапожковского воеводы вошли город и села Коровка, Черная Речка, Малый Сапожок, Новониколаевское (Самодуровка), где проживали, в основной своей массе, потомки приборных людей. Но теперь административное единство этих поселений определялось не общностью

стоящих перед ними военных задач, как раньше, а тождеством государственных повинностей и однородностью хозяйственного уклада местного населения. Таким образом, Сапожковский уезд если не территориально, то функционально сформировался задолго до введения в силу «Учреждения для управления губерний» 1775 г., которое сообщило ему новые, более четкие в структурном отношении очертания.

Указанные в «Плакате» 1724 г. нормы подушного оклада сохранялись для государственных крестьян без изменений до очередной половины больших войн, в которые погрузилась Российская империя во второй половине XVIII в. Дефицит бюджета, вызванный Семилетней войной, привел к увеличению той части подати, которая считалась эквивалентной повинностям, несомым другими податными группами, с 40 к. до 1 р., а вскоре после начала вооруженного противостояния с Османской империей, в 1768 г., до 2 р.²⁶ Хотя в мотивированочной части соответствующих указов эти меры объяснялись тем, что «благодатью Божескою всякие с земли доходы по распространению Российской коммерции и всяких промыслов неизмеримо … умножились», повышение основного прямого налога почти в 2,5 раза меньше чем за десять лет не могло обойтись без последствий для плательщиков.

Во всяком случае, судя по заголовкам дел из описи фонда Сапожковской провинциальной канцелярии за середину 1770-х гг. («о наказании плетьми пашенных солдат села Малого Сапожка … за оскорбление сотского того же села … при взыскании им подушных денег», «о допросе пашенных солдат села Черная Речка о неповиновении их … при взыскании подушных денег», «об убийстве пашенного солдата села Коровки … пашенным солдатом того же села … при взыскании с него подушных денег»)²⁷, сбор в уезде этой подати происходил в изрядно накаленной атмосфере. Поводом к волнениям чернореченских пашенных солдат летом 1775 г., по всей видимости, послужила «невозможность погашения недоимки подушных сборов за 1769–1775 гг.»²⁸.

Нельзя сказать, что пашенные солдаты Сапожковского уезда пре-небрегали законными способами повлиять на стремительно растущие размеры налогового бремени. В 1767 г. в Москве торжественно открылась Комиссия о составлении проекта, нового уложения, призванная помочь самодержавной власти в разработке современного, проникнутого идеями Просвещения, свода законов. Едва ли не все социальные группы, за исключением крепостных крестьян, были приглашены к участию в этом грандиозном мероприятии: они должны были выбрать своих

депутатов и снабдить их наказами, где излагались бы их потребности. Сапожковские «старых служб служилые люди и пахатные солдаты» также не преминули воспользоваться этой возможностью заявить о «всяких наших нуждах и недостатках» через своего выборного Семена Григорьева сына Авдеева. По словам составителей наказа, сапожковцы в последнее время «пришли в несостояние подушного платежа и прочих податей». Причинами такого бедственного своего положения они называли как само увеличение размеров повинностей, так и недостатки, присущие системе учета плательщиков, когда в ревизских сказках значились те, кто не мог за себя заплатить: «убыльых, умерших, пропавших без вести наших пашенных солдат души, хромые, слепые, малолетние», в том числе не достигшие и полугодового возраста. Не были забыты здесь и частые пожары, и недороды хлеба, и «скотский падеж», и «неимущество», проистекающее из-за захвата их земель²⁹.

Покушения на земли, которые пашенные солдаты Сапожковского уезда считали своими, заботили их явно не меньше, чем рост подушного оклада. Спустя примерно столетие после того, как был отражен последний набег кочевников на владения местных служилых людей, их потомкам пришлось столкнуться с новым неприятелем, действовавшим не столь стремительно и дерзко, но зато более основательно и неуклонно. Это были русские помещики, потянувшиеся со своими крепостными обживать территории черноземных уездов к югу от Оки, когда с татарской угрозой здесь было покончено благодаря усилиям населения засечных черт. До поры до времени московские власти сдерживали это движение, усматривая в нем помеху первоначальному освоению Дикого поля. Впрочем, оказавшийся с постройкой Козлова в тылу, Сапожок уже в 1637 г. не попал в число «заказных» городов, где, в соответствие с царским указом, было запрещено приобретение земель служилыми столичных и иногородних чинов³⁰.

Неосвоенные просторы вокруг компактного ядра поселений местных приборных еще несколько десятилетий позволяли избегать проблем, связанных с распространением в этом регионе поместного землевладения. Более того, полковые казаки и пахотные солдаты Сапожка и окрестных сел научились извлекать и некоторую выгоду от развития крепостнических порядков: время от времени они ловили беглых крепостных и получали за это вознаграждение – нечто вроде компенсации за упраздненное здесь самой историей «язычное». Однако, судя по содержанию их наказа в Уложенную комиссию, издержки от сосед-

ства с могущественными помещиками-крепостниками существенно перевешивали эти скромные доходы. Сапожковцы жаловались на «усиленное завладение» несколькими десятинами их земель, произведенное крестьянами сел Канино и Смыково, принадлежавших генерал-лейтенанту Родиону Михайловичу Кошелеву, а также генерал-майором, графом Федором Андреевичем Остерманом, обосновавшимся в Красной Слободе и Красном Углу³¹.

Формально правительство не отказывалось признавать интересы «старых служб служилых людей» в вопросах, возникающих при проведении границ владений³². На деле же попытки оспорить земельные захваты, производимые влиятельными дворянами, как свидетельствует текст сапожковского наказа, оставались гласом вопиющего в пустыне: провинциальная канцелярия в Переяславле-Рязанском и Московская межевая канцелярия, куда обращались с прошениями обиженные пахотные солдаты, не дали хода их прошениям. А последняя и вовсе «не знаем для чего» вернула сапожковцам их жалобу обратно³³. Уложенной комиссии тоже не суждено было оправдать их надежды, – работа этого собрания была свернута задолго до того, как дошел черед до обсуждения проблем непривилегированных групп населения.

О том, что время их привилегий ушло в невозвратимое прошлое, «старых служб служилым людям» все настойчивее напоминали и законы. С 1766 г. только причисление к ландмилиции – полурегулярным формированиям в пограничных провинциях – служило основанием для сохранения отличного от казенных крестьян размера подушного оклада. Вообще, послепетровское законодательство последовательно давало понять пахотным солдатам и родственным им группам, что права на земли, которыми когда-то были вознаграждены их предки, так и останутся единственным наследством, оставшимся от службы по прибору, в уготованном им статусе казенных, или государственных крестьян. По своему социальному положению в реалиях XVIII – начала XIX в. они больше всего напоминали солдатских детей, появившихся на свет после того, как их отец отслужил положенный срок рекрутчины: те так же должны были селиться на казенных землях, записываться в подушный оклад и отправлять прочие повинности, возложенные на податное население³⁴.

Итак, переход к мирному земледельческому труду для жителей Сапожковского уезда растянулся на долгие десятилетия и сопровождался изменением их социального статуса. В свое время за получение

надела плодородной земли они соглашались подвергать риску свое имущество, а то и жизнь. Но этой цены оказалось недостаточно, чтобы распространить на потомство привилегии, которыми пользовались местные приборные люди изначально. Можно сказать, что их наследники стали заложниками имперского строительства, интенсивно продолжавшегося на протяжении всего XVIII в. Имперское политическое пространство не предполагает устойчивой границы³⁵, отсюда и зыбкость в правовом положении тех, кто волей судьбы из ее защитников превращался в обитателей глубинки. Подобное превращение из орудия колонизации в ее объект, видимо, составляет одну из особенностей роста сухопутных империй. Однако в случае с потомками населения старых засечных черт, каковыми были обитатели сапожковских слобод и близлежащих сел, удивительной представляется жизнестойкость их социального мира перед лицом обстоятельств, менявшихся не в их пользу. Эта способность, истоки и проявления которой еще нуждаются в исследовании, позволила им пережить масштабные преобразования XVIII столетия, так и не растворившись до конца в податной массе казенного крестьянства, а также оказывать сопротивление земельным захватам, производившимся их новыми соседями – вельможами-крепостниками.

¹ Платонов С.Ф. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. №3. С. 95, 92.

² Акты Московского государства, изд. Имп. Академио наук. Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. С. 192.

³ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 156.

⁴ Там же. С. 158; Акты Московского государства… Т. 1. С. 262, 388.

⁵ Акты Московского государства… Т. 1. С. 361.

⁶ Там же. С. 389; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 207; Казачество Тульского края. Сост. А.Н. Лепехин. М: Витязь, 2010. С. 172–174.

⁷ Акты Московского государства… Т. 1. С. 361.

⁸ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 210–213.

⁹ Там же. С. 229, 235.

¹⁰ Там же. С.236; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968. С. 85–90.

¹¹ Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч.1: Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М., 1894. С. 152.

¹² Загоровский В.П. Указ. соч. С. 86; Миклашевский И.Н. Указ. соч. С. 143.

¹³ Миклашевский И.Н. Указ. соч. С. 286–287.

¹⁴ Казачество Тульского края… С. 174.

¹⁵ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 143.

- ¹⁶ Акты Московского государства, изд. Имп. Академио наук. Под ред. Д.Я. Самоквасова. СПб., 1901. Т. 3. С. 498; Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографическою комиссиою. СПб., 1875. Т. 9. С. 242.
- ¹⁷ Hellie R. The Costs of Moskovite Military Defense and Expansion // The Military and Society in Russia, 1450–1917. Ed. by E. Lohr and M. Poe. Leiden; Boston; Kluwer: Brill. P. 49–51.
- ¹⁸ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 405.
- ¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ – I). СПб., 1830. Т.4. №2218.
- ²⁰ Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): Территория и высшие администрации. Ростов-на-Дону, 2009. С. 46–49.
- ²¹ ПСЗ – I. Т. 4. № 2603.
- ²² ПСЗ – I. Т. 7. № 4533.
- ²³ ПСЗ – I. Т. 8. № 5285
- ²⁴ Там же. № 5313.
- ²⁵ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 101–102; Гольте Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. С. 108–109, 116–117.
- ²⁶ ПСЗ – I. Т. 15. № 11120; Т. 18. № 13194.
- ²⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 568. Оп. 2. Дд. 759, 760, 776.
- ²⁸ Там же. Д. 791.
- ²⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1903. Т.115. С.83.
- ³⁰ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 305.
- ³¹ Сборник Императорского Русского исторического общества... С. 83.
- ³² ПСЗ – I. Т. 14. № 10237; Т. 15. № 10899.
- ³³ Сборник Императорского Русского исторического общества... С. 83.
- ³⁴ ПСЗ – I. Т. 14. № 12659; Т. 33. № 26376; ПСЗ – II. СПб., 1832. Т. 6. № 4499.
- ³⁵ Филиппов А.Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. СПб., 2014. Т. 1. С. 41–42.

А.А. Щевъёв

Церковный раскол XVII в.: отражение на Сапожковской земле

Культура нашей страны чрезвычайно богата. Так думают и говорят практически все жители России. Но в чем они видят эту самую богатую культуру? Скорее всего, в произведениях искусства, в архитектуре древних городов, неспешном течении жизни русских сел и деревень, в устном народном творчестве, а иногда в особенностях русского менталитета. Многие поставят на первый план религию, христианство, указывая на этот государствообразующий фактор, либо на другие уникальные особенности ортодоксального православия. Тем не

Содержание

Слово к читателям 3

Предисловие 4

САПОЖКОВСКИЙ КРАЙ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В.И. Горбачев

Крепость Сапожок в I половине XVII века:

военное значение, воеводы, гарнизон 6

А.В. Беляков

Сибирские Шибаниды – владельцы с. Чучкова в XVII в. 12

В.В. Боярченков

Из окраины Дикого поля в земледельческий уезд Российской империи: метаморфозы сапожковской истории XVII–XVIII вв. ... 20

А.А. Щевъёв

Церковный раскол XVII в.: отражение на Сапожковской земле ... 34

Е.В. Дворникова

Документы ГАРО по истории населенных пунктов Сапожковского уезда (вторая половина XIX – начало XX вв.) 45

А.А. Щевъёв

Государственное село на фоне поместичьих владений 50